

Индекс УДК 811.351.22

Код ГРНТИ 16.41.29

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-80-92

Р.О. МУТАЛОВ*

Сравнительный анализ кадарского и мегебского: сходства и различия в даргинской ветви нахско-дагестанских языков

Статья посвящена выявлению общих языковых черт и различий, которые имеются между кадарским диалектом севернодаргинского языка и мегебским языком. Рассмотрены различные аспекты звуковой системы и морфологической структуры сравниваемых идиом. Несмотря на то, что они распространены на значительном расстоянии друг от друга и не имеют прямых контактов, в них обнаруживается множество общих явлений; часто данные явления не встречаются в других даргинских языках и диалектах, в том числе и близких кадарскому мекегинскому и губденскому. В ходе работы над проектом выявлено, что наиболее близким мегебскому языку является кадарский идиом. Ранее же в работах даргиноведов предполагалось его родство с мугинским, урахинским, дибгашинским либо мюрего-губденским диалектами. Проведённый в статье анализ материала даёт возможность говорить и о причинах того, почему сравниваемые идиомы имеют столь большое число лингвистических общностей. Предполагается, что много веков назад предки кадарцев и мегебцев жили компактно, примерно в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте, близком к мекегинскому. В результате многочисленных иноземных нашествий им пришлось мигрировать: мегебцы переместились в западную сторону, кадарцы – в северную. Кадарский диалект, хотя и имеет немало своеобразных черт, остаётся более или менее понятным для других даргинцев. Мегебский же идиом, который довольно долго развивается в иноязычном окружении, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, что даёт возможность выделить его в качестве самостоятельного языка.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, даргинские языки, лингвистическая классификация, мегебский язык, кадарский диалект, звуковые процессы, именные части речи, категория числа, склонение, глагол

Дагестан, издревле известный как «страна гор» и «гора языков», по праву считается самым многоязычным регионом России: на срав-

нительно небольшой территории сосредоточено множество языков и диалектов, однако пока не установлено их точное количество. Проблема разграничения

* **Муталов Расул Османович** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, руководитель проекта «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари» (18-012-00718).
E-mail: mutalovr@mail.ru

языков и диалектов особенно остро стоит в даргиноязычном ареале Центральной части горного Дагестана: пока нет однозначного решения относительно классификации даргинских идиом. В классификациях 20–30-х гг. прошлого века выделялись три даргинских языка: даргинский, кубачинский и кайтагский. Затем, исходя из экстралингвистических соображений, властями было принято решение считать даргинские идиомы одним языком, хотя лингвисты всегда говорили о наличии существенных различий между даргинскими диалектами.

В 1985 г. вышла книга С.М. Хайдакова под названием «Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения» [1], где он разграничил эти языки. В классификации Ю.Б. Корякова выделены 17 языков даргинской группы; кадарский и мегебский автор считает самостоятельными языками [2, с. 33–36]. Д. Форкер выделила 18 даргинских языков [3, с. 8]. В предложенной нами классификации, ставшей основой разграничения даргинских языков и диалектов в списке языков России (<http://jazykirf.iling-ran.ru/>), выделены шесть языков даргинской группы: севернодаргинский, мегебский, цудахарско-сирхинский, кубачинский, кайтагский, чирагский [4, с. 20]. Учитывая множество специфических черт, выявленных в мегебском, он рассматривается в качестве отдельного языка, а кадарский выделен в качестве диалекта севернодаргинского языка.

Методика исследования

Изучение особенностей кадарского идиома началось в рамках проекта РФФИ «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари» (18-012-00718) (ил. 1); до этого о нём имелись лишь отрывочные сведения [5]. В ходе работы над проектом были исследованы фонетическая система, морфология и синтаксические конструкции кадарского диалекта. Лексика и фразеология диалекта получили освещение в работе Н.А. Вагизиевой [6]. Кадарский диалект близок к диалектам ме-

кегинского типа, входящим в севернодаргинский язык: мекегинскому, губденскому, мюрегинскому [5], но в то же время обладает значительным числом особенностей как в звуковой системе, так и в грамматическом строе.

Мегебский идиом в даргиноведческой литературе получил относительно неплохое освещение. Данные о нём приведены в работе С.М. Гасановой [5]; А.А. Магометов издал монографию «Мегебский диалект даргинского языка» [7]; С.М. Хайдаков исследовал систему мегебского словоизменения в сравнении с другими даргинскими идиомами [1]. Относительно недавно московские лингвисты издали на английском языке «Очерки по мегебскому языку» [8]. Лексический материал кадарского и мегебского идиомов приведён в диалектологическом словаре даргинского языка [9].

До недавнего времени оставался спорным вопрос о родстве мегебского языка с другими даргинскими языками и диалектами. Мегебцы, проживающие ныне вдали от других даргинцев, в Гунибском районе Дагестана, считаются выходцами из села Муги Акушинского района, переселившимися из-за войн. Но жители двух этих селений языка друг друга не понимают. П.К. Услар, первый исследователь даргинских языков, пишет, что «жители Миамухли (Мегеб) говорят на речи Мухли (Муги), но весьма испорченным» [10, с. 4]. А.А. Магометов считает, что звуковую систему мегебского можно уподобить звуковой системе урахинского диалекта [7, с. 8]. По мнению С.М. Хайдакова, мегебский язык является близким к дибгашинскому [1, с. 13]. По результатам лексико-статистического анализа, проведённого Ю.Б. Коряковым, данный язык имеет сходство с диалектами мюрего-губденского типа. При подобном разбросе мнений важно было установить место мегебской речи в системе даргинских языков и диалектов.

Проведённый в ходе работы над проектом анализ кадарского материала даёт нам возможность предположить, что

Ил. 1. Фото участников проекта.
Слева направо: Н.А. Вагизиева, У.У. Гасанова и Р.О. Муталов

Ил. 2. Кадарское село Карамахи

по своим характеристикам мегебский всё же наиболее близок к кадарскому идиому [4]. Однако до сих пор не было исследований, подтверждающих данную гипотезу. Интерес вызывают также причины подобного родства — казус заключается в том, что селения Кадар (ил. 2) и Мегеб (ил. 3) находятся на расстоянии более 120 км друг от друга (ил. 4). Кадарский идиом распространён в крайней северной части даргинского ареала, в Буйнакском районе РД, в тюркоязычном окружении; мегебский также находится вне зоны даргинцев, в западной стороне, соседствуя с аварским и лакским языками. Следовательно, языковые контакты между ними исключены полностью. В качестве объяснения данного факта была выдвинута гипотеза, согласно которой некогда предки кадарцев и ме-

гебцев жили компактно, в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном языке; впоследствии произошли их миграции на запад и на север [11, с. 343].

Основной целью данной статьи является сравнение материала кадарского и мегебского идиомов, а также выявление имеющихся лингвистических общностей и различий. Актуальность темы статьи заключается, с одной стороны, в том, что до сих пор в даргиноведении не проводились системные исследования, в которых сравнивался бы материал разных даргинских диалектов и языков, что создаёт сложности в установлении степени родства между ними и в определении их места в лингвистических классификациях. С другой стороны, в век глобализации налицо процессы языкового сдвига и исчезновения малых языков — даже в самых отдалённых горских селениях дети между собой говорят уже только на русском языке. И задача сохранения малых языков, срочной паспортизации и исследования их материала остаётся крайне важной.

Основными методами исследования являются методы полевой лингвистики, метод синхронного анализа и сравнительно-исторический метод. В ходе исследования использовались имеющиеся грамматические описания и отдельные статьи, посвящённые кадарскому и мегебскому идиомам [1, 5–8, 13, 15, 16]. Кадарский материал сравнивается также с материалом мекегинского, губденского, акушинского диалектов.

Результаты и обсуждение

В большинстве даргинских языков и диалектов функционируют геминированные (напряжённые, интенсивные) согласные. Они встречаются во всех южнодаргинских и некоторых севернодаргинских идиомах (мугинском, муиринском, гапшиминском).

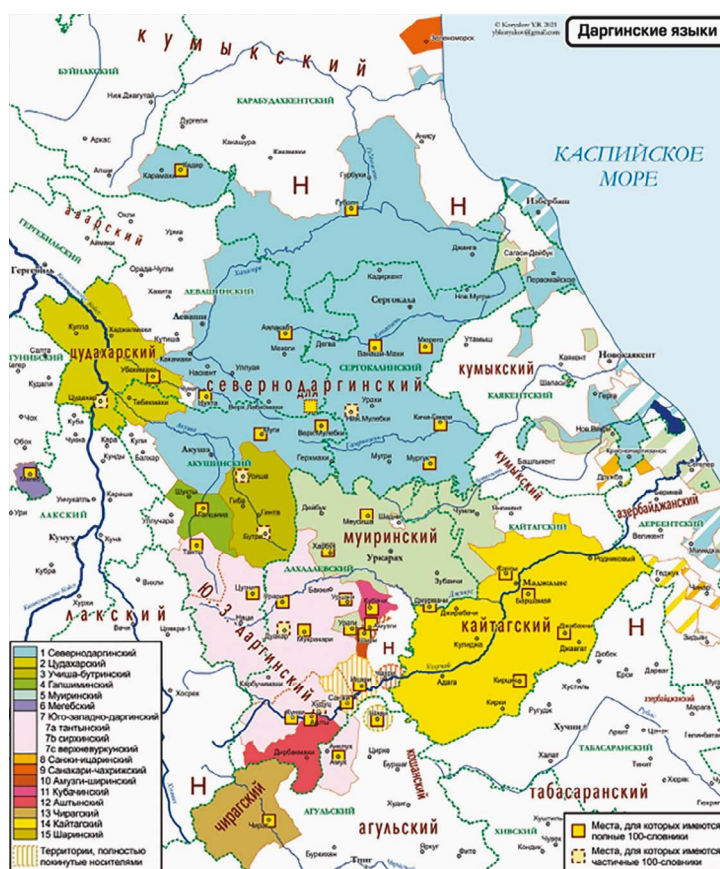
В большинстве севернодаргинских диалектов геминированным смычным соответствуют звонкие смычные и аффрикаты, а геминированным спирантам – простые фрикативные: *ккуртта* «лиса» (южнодарг.) – *гурда* (севернодарг.), *иши* «село» – *ши*. Предполагается, что геминированные звуки существовали ещё в прадаргинском языке [12], но впоследствии исчезли в севернодаргинских языках.

В современной речи кадарцев (ил. 5) и мегебцев геминированные звуки не функционируют [8, с. 23]. Тем не менее в мегебских материалах А.А. Магометова, собранных в 40–50-е гг. прошлого века, зафиксировано значительное количество слов, в которых отмечены геминированные звуки: «В мегебском, в отличие от урахинского, на наш слух, мы различаем и интенсивные звуки (хотя, быть может, и не так ярко), характерные для диалектов типа цудахарского. Например, в словах *ссинка* «медведь», *ттагда* «петух», *ккату* «кошка» и т.д.» [7, с. 8]. Щелевой звук *ш* в кадарском, по данным информантов, также произносится напряжённо – *иш*; в ряде случаев для его отображения используется графема *щ* [13]: *даршкьящ* *милякь* «сороконожка», *гъуш* «летняя стоянка чабанов», *нуцийи* «наш, наша, наше». Вышесказанное свидетельствует о процессе исчезновения геминированных согласных в севернодаргинских идиомах.

Одной из фонетических особенностей, объединяющих кадарский и мегебский идиомы (в отличие от других севернодаргинских диалектов, в которых не представлены геминированные звуки, в том числе мекегинском и губденском), является отсутствие звонких аффрикат *дз* и *дж* [5, с. 111]. Этим звукам

Ил. 3. Село Мегеб

Ил. 4. Карта даргинских языков (Ю.Б. Коряков)

в рассматриваемых идиомах соответствуют звонкие *ж* и *з*. Однако в данном случае наблюдается живой процесс перехода аффрикат в спиранты. Как отмечает А.А. Магометов, «звонкие аффрикаты

Ил. 5. Участник проекта М.С. Багамаева работает с носителем кадарского диалекта А. Султанамедовым

дж и дз в мегебском лучше сохранились в речи старшего поколения; отмечается тенденция их спирантизации, параллельно можно услышать: *удзи/узи* «брат» [7, с. 8].

Другой важной особенностью, отличающей сравниваемые кадарский и мегебский (ил. 6) идиомы от мекегинского и губденского, а также всех других даргинских языков и диалектов, является назализация в слове «четыре»: *а^нгъвал* (кадар.). По свидетельству А.А. Магометова, в мегебском «в числительном *а^нгъвал* «4» представлен назализованный гласный, в числительном же *анцIалийал* «40» вместо назальности выступает носовой *н*, при этом корневой согласный числительного «четыре» — лабиализованный *гъв*, в числительном «сорок» не сохранился» [7, с. 58]. Назализация, как правило, встречается в языках аваро-андо-цезской группы.

В отличие от кадарского и других даргинских диалектов и языков, в мегебском функционирует интенсивный фарингальный звук *xIxI*: *мехIxIва* «мозг». С. Абдуллаев отмечает, что подобный звук, помимо мегебского, имеется лишь в мугинском диалекте [14, с. 49].

В формах множественного числа существительных, формах ин-латива, деепричастиях и наречиях даргинских словоформ суффикс может оканчиваться на гласный *и* или *е*. По данному признаку даргинские

идиомы разделены на две группы: «икающие» и «екающие» [15]. К «икающим» относятся: даргинский литературный язык (акушинский диалект), урахинский, кайтагский, муиринский и др.; к «екающим» — цудахарский, сирхинский, кубачинский и др. Можно предположить, что формы с ауслаутным гласным *е* являются более древними, поскольку они встречаются в более архаичных даргинских диалектах и языках. Рассматриваемые в настоящей работе кадарский и мегебский, как и мекегинский и губденский, относятся к «екающим» идиомам, поскольку в конце

различных словоформ представлен гласный *е*: *гъача* «телёнок» (кадар.) — *гъачне*, *уриши* «сын» (мегеб.) — *урибе*.

Процесс палатализации, заключающийся в переходе перед гласными *и* и *е* заднеязычных спирантов в спиранты переднего места образования и распространённый в большинстве даргинских языков и диалектов, не встречается в идиомах мекегинского типа: кадарском, мекегинском, мегебском, губденском, а также в мугинском. Тем не менее в мегебском языке, в отличие от кадарского, выявлено немало случаев, в которых зафиксирован процесс палатализации: *бечI* «голова» — *бекI* (кадар), *гъечI* «тот, наверху», *xIанчи* «работа» — *xIанке*. В числительном *урежал* «шесть» корневой *ж* — результат палатализации заднеязычного [7, с. 58]. По всей видимости, на звуковую систему мегебского языка оказывает влияние соседний лакский язык, в котором палатализация получила широкое распространение.

Ряд звуковых процессов, как объединяющих рассматриваемые идиомы и обособляющих их от других даргинских диалектов и языков, так и разграничивающих их, проявляется при образовании глагольной формы прохибитива (запретительного наклонения). Общим для них является дистанционная прогрессивная ассимиляция согласных, наблюдаемая при присоединении запретительной приставки *ма-* к глаголу

с классно-числовым показателем б (3-й класс единственного числа или 1–2-е классы множественного числа). При этом губной звук б уподобляется сонорному м: акуш. *мабирид* «не делай» — *мамири* (кадар), *мимикьади* (мегеб). Одновременно с этим в мегебском языке, в отличие от кадарского, под влиянием гласного глагольной основы гласный -а запретительной частицы *ма-* уподобляется этому гласному: *мимикьади* «не делай», *мумузади* «не работай» [7, с. 117].

В кадарском же в формах прохибитива наблюдается выпадение ауслаутного элемента хабитуалиса -д: *бирцI-ид* «наполняешь» — *ма-мири-и* «не наполняй»; ср. в акушинском: *ма-бирцI-ид*. В мегебском, наоборот, отмечается наращение конечной гласной и к форме прохибитива: *мулурI-ад-и* «не читай». Следует отметить, что все изменения, происходящие в рассматриваемых идиомах при образовании форм запретительного наклонения, носят вторичный характер.

Сонорный губной звук м может использоваться вместо губного смычного б и в других случаях: *набадари* «морковь» — *мамадари*, *жагьаннаб* «ад» — *жагьаннам*, *наб* «мне» — *нам*. Встречается в сравниваемых идиомах также и обратное явление, когда вместо сонорного м других диалектов функционирует согласный б: *урчIемцIали* «девятиности» — *урчIебцIале*, *гуми* «мост» — *губи*; более древней считается форма с б [7, с. 136].

Гласному звуку е/и показателя инфинитива других даргинских идиомов (-ес акуш., -из цудах.) в кадарском и мегебском может соответствовать гласный -а [13, с. 67]: кадар.: *чIямикI-ес* «жевать» (акуш.) — *чIямукI-ас*, *жугьбикI-ес* «литься» — *чIугьбукI-ас*; мегеб.: *багьес* «узнать» — *багьас*, *бакIес* «прийти» — *бакIас*. В ряде случаев гласному е этого суффикса (-ес) в кадарском соответствует гласный о: *арх-ес* «зайти» — *эрхв-ос*, *биркь-ес* «вскопать» — *биркьв-ос*.

Ил. 6. Рассказывает жительница с. Мегеб

Одной из ярких особенностей, обособляющей кадарский и мегебский среди других даргинских языков и диалектов, является соответствие сонорного звука л в словах других идиом губному звуку в [15, с. 63]. Данное соответствие встречается как в словах именных частей речи (*цула* «зуб» (мекеги) — *цува*, *xIула* «колесо» — *xIува*), так и в глагольных формах. В формах генитива различных частей речи, содержащих в конце слова -ул, вместо общедаргинского форманта -ла в рассматриваемых идиомах используется показатель -ва: *mlул* «палец» — *mlу-ва*, *куцIул* «ложка» — *kIуцIу-ва*, *урцул* «дрова» — *урцу-ва*. Предполагается, что элемент в в генитиве в мегебском служит разделительным элементом между гласными [7, с. 41].

Формы деепричастия настоящего времени в даргинских диалектах образуются посредством морфемы -у-ли. В мегебском же для образования данных деепричастий используется суффикс -у-ве: ср., акуш.: *бир-ули* «делая» — *бикь-уве* (мегеб.), *балт-ули* «оставляя» — *балт-уве*, *бирц-ули* «продавая» — *билц-уве*. Соответствие звуку л звука в в кадарском и мегебском отмечено также в деепричастиях прошед-

шего времени, образованных от глаголов, оканчивающихся в претерите на -ун: кадар.: *ухІнавхъ-ун* «зашел» — *ухІнавхъ-у-ва* «зайдя», *уркІухъ-ун* «испугался» — *уркІухъува*; мегеб.: *белкІ-ун* «написал» — *белкІ-уве*, *бигІ-ун* «украл» — *бигІуве*, *белчІ-ун* «прочитал» — *белчІ-уве*. В литературе отмечается, что «при утрате комплекса *нн* и последующей встрече двух гласных между гласными возникает разъединительный элемент *в*»: *белкІун-ле* — *белкІун-е* — *белкІу-е* — *белкІу-ве* «написав» [7, с. 111]. Из примеров видно, что отличие между двумя сравниваемыми идиомами в функционировании данной морфемы заключается лишь в исходном гласном: в кадарском представлен гласный *-а*, а в мегебском — *-е*.

Имеется также несколько фонетических явлений, характерных для кадарского идиома, но не встречающихся в других диалектах и языках, в т.ч. и мегебском. Среди них можно отметить соответствие заднеязычного глухого смычного звука *къ* литературного языка звонкому щелевому звуку *гъ*: *къаршииикес* «встретиться» (акуш.) — *гъаршииикес*, *къача* «телёнок» — *гъача*, *къакъ* «спина» — *гъахъ* [15, с. 63]. В ряде слов заднеязычному смычному глухому согласному *к* в кадарском соответствует звонкий звук *г*: *кесек* «часть» (акуш.) — *гесекІ*, *шушка* «сабля» — *шушге*.

К одному из распространённых в кадарском идиоме звуковых явлений относится абруптивизация — переход смычных согласных и аффрикат в соответствующие абруптивные звуки: *т//mI*: *талам* «вторник» (акуш.) — *таламІ*, *къалтин* «ковер» — *хъалтІиан*; *д//mI*: *дехъ* «балка, перекладина» — *мІехъ*, *къудкъуси* «горький» — *къумІкъуй*; *б//nI*: *байиикес* «поцеловать» — *пІайукІас*; *ц//цІ*: *урцец* «почка» — *урцецІ*.

Кадарский идиом распространён, как отмечалось выше, в северной части даргинского язычного ареала. Тем не менее в данном диалекте встречаются явления, которые характерны лишь для южнодаргинских языков и диалектов, но не отмечены в севернодаргинских идиомах. В глагольных корнях смычному согласному *гъ* акушин-

ского и других диалектов в кадарском соответствуют спиранты *гъ* и *гъь*: *ваъес* «дойти» (акуш.) — *вагъес*, *къярмІагъес* «проглотить» — *къянмІагъес*, *биъес* «иметь» — *бугъас*, *агариъес* «исчезнуть» — *агваругъес* [15, с. 64]. «Одной из отличительных особенностей кадарского диалекта является и то, что спиранту *с*, присущему литературному даргинскому языку, в кадарском диалекте соответствует аффриката *ц*: *сай* — *цай* «есть, является»; *се* — *це* «что?»; *сегъуна* — *цегъун* «какой?»» [13, с. 66].

В даргинских языках и диалектах, как правило, функционируют три грамматических класса; имена существительные распределены по классам в зависимости от семантики: 1 гр. класс (мужской), 2 гр. класс (женский), 3 гр. класс (средний). В мегебском же представлены четыре грамматических класса; в 4-й класс входит единственное слово *дурси* «девушка» с классным показателем *д*, в отличие от 2 гр. класса (класс женщин) с показателем *р*: *дурси д-акІуб* «девушка пришла» — *хъунул р-акІуб* «женщина пришла»; ср. кадарск. *рурси р-акІуб* «девушка пришла».

В прилагательных, образованных посредством суффикса *-кеб*, в кадарском языке представлен окаменелый классный показатель *-б*, который не меняется в зависимости от грамматического класса и числа определяемого существительного: *девле-кеб амарса* «богатый мужчина», *девле-кеб хъунул* «богатая женщина», *девле-кеб шагъар* «богатый город». В других даргинских языках классный показатель, расположенный в ауслауте прилагательного, меняется по классам и числам, ср. акуш.: *давла-че-в адам* «богатый мужчина», *давлаче-р хъунул* «богатая женщина», *давлаче-б шагъар* «богатый город». В мегебском языке процесс окаменения классных показателей распространён значительно шире; так, по классам не изменяется вспомогательный глагол *саби* «есть» (1, 2, 3 классы), который во всех других диалектах содержит изменяющийся классный показатель, ср. кадар.: *цай* (1 кл.), *цари* (2 кл.), *цаби* (3 кл.).

Образование форм множественного числа имён существительных в даргинских языках происходит посредством присоединения многочисленных формантов. В кадарском и мегебском функционируют суффиксы плюралиса, которые не отмечены в других диалектах. Так, суффикс *-т* характерен лишь для сравниваемых диалектов: кадар.: *тулхъун* «волна» — *тулхъунт*; *хъаишхъар* «гриб» — *хъаишхъарт*; мегеб.: *кагъар* «бумага» — *кагъарт* (мн. ч.), *бушкала* «веник» — *бушкулт*. В других даргинских диалектах данному форманту соответствует суффикс *-те/-ти*; предполагается, что в мегебском (как и в кадарском), утрачен конечный гласный *-е* [7, с. 26].

Суффикс *-т* в ряде существительных кадарского идиома может присоединиться к другому суффиксу множественности *-лар*, заимствованному из тюркских языков, образуя сложную морфему *-ларт* [16]: *чалма* «повязка на голове» — *чалма-ларт*; *букIма* «ветер» — *букIма-ларт*. В мегебском же показатель *-т* образует сложную морфему множественности с промежуточным формантом *-р-*: *замана* «время» — *замана-рт*, *ишара* «знак» — *ишара-рт*.

Особенность кадарской речи проявляется также в широком использовании суффикса *-уле*, не отмеченном в других даргинских идиомах: *мурад* «желание» — *мурад-уле*; *тугъанахъ* «засов» — *тугъанахъ-уле*. Другим специфическим явлением в сфере категории числа является функционирование показателя множественности *-умбе*, присоединяемого, как правило, к дву- или многосложным словам с гласным исходом: *бари* «день» — *бар-умбе*; *барткиа* «олень» — *бартки-умбе*. Среди других даргинских идиомов данный аффикс встречается лишь в губденском: *беркала* «еда» *беркл-умбе* [17, с. 98]. В мегебской речи форма плюралиса существительного *хъу* «поле» образуется посредством показателя *-ише*: *хъу-ише* «поля», аффикс *-гъе* используется для образования множественного числа слова *хъунул* «женщина» — *хъу-гъе*.

В ряде существительных кадарского диалекта, оканчивающихся на сонорные звуки *-л*, *-н*, в качестве косвенной основы в формах эргатива выступает сонорный *-й*, который в акушинском является самостоятельным показателем эргатива: *дарман* «лекарство» — *дарма-й-ни*, *Руслан* (антропоним) — *Русла-й-ни*, *гIяхIял* «гость» — *гIяхIя-й-ни*. В мегебском форма эргатива образуется посредством показателя *-ли*, к которому может присоединяться аффикс *-ъин(и)*, как и в урахинском [10]: *узи* «брат» — *узи-ли-ъин(и)*, *гурда* «лиса» — *гурда-ли-ъин(и)*.

Общим для кадарского и мегебского является и образование генитива, существительных, оканчивающихся на сонорный *-н*. Данная форма образуется посредством разделительного сонорного звука *-й-*, вставляемого между двумя гласными, оказавшимися в соседстве при выпадении комплекса *-нн-*: *шин* «вода» — *ши-йа* (*шин+ла* — *шинна* — *шиа* — *шийа*), *хан* «хан» — *ха-йа*.

Одной из ярких особенностей кадарского идиома является отсутствие форм эссива, которые выражают значение нахождения ориентира в области локализации; данное значение передаётся формами латива. Формы эссива отсутствуют также в кайтагском языке, распространённом вдали от кадарского идиома [18]. В мегебском формы эссива образуются присоединением к формам латива классных показателей, как в других даргинских диалектах.

Формы элатива, выражающие значение удаления объекта из области локализации, в сравниваемых идиомах маркируются по-разному. В кадарском данная грамматическая форма, как и в губденском, образуется посредством присоединения показателя *-зека* (вариант *-зака*) к формам латива: *Мухтали къанIа бекI-и-зека* *бажиб* «Мухтар снял шапку с головы». Образование элативных форм в мегебском происходит аналогично другим севернодаргинским диалектам — посредством присоединения показателя *-ад* (*-адал/-адала*) к формам эссива: *гурда* «лиса» — *гурдали-чеб-ад* «от лисы».

Одной из отличительных черт мегебского языка является функционирование в нём форм транслатива, образуемых присоединением аффикса *-ди* к сериям латива: *xIapKIла дублизе-ди укье!* «Иди вдоль дороги!» [7, с. 45]. В других даргинских языках транслатив не встречается.

Качественные прилагательные в кадарском, как и в других диалектах мекегинского типа, образуются посредством суффиксов *-ай*, *-ил*, *-а*: *жевг-ай рурси* «красивая девушка», *мурхь-ил къада* «глубокое ущелье», *ииниш-а къар* «зелёная трава». Формы множественного числа маркируются общедаргинским суффиксом *-те*. В мегебском для образования прилагательных используется лишь суффикс *-(и)л*; форм множественного числа прилагательные, как и причастия, не имеют [1], вследствие чего отсутствует и согласование с определяемым именем по числу: *жигва-л дурси* «красивая девушка» — *жигва-л дурсбе* «красивые девушки».

Яркой отличительной особенностью кадарской речи является то, что образование составных числительных, начиная от тридцати до девяноста, происходит без присоединения суффикса *-ну* к числительным, обозначающим десятки. При этом с простыми числительными, следующими за десятками, не используется также суффикс *-ра*: *xIябцIале ца* «тридцать один», *урчIебцIале а[#]гъвал* «девяносто четыре» (ср. акуш.: *xIябцI-ан-ну ца-ра* «тридцать один», *урчIемцI-ан-ну ав-ра* «девяносто четыре»). Как видно из примеров, данные числительные образуются простым сложением двух слов, обозначающих десятки и простые числительные, так же, как и в русском языке. Подобное явление не встречается в других даргинских идиомах, в том числе и близких к кадарскому — мегебскому и губденскому.

Суффикс *-(а)л*, служащий в мегебском для оформления простых числительных (*xIяб-ал* «3», *а[#]гъв-ал* «4»), используется также при образовании сложных и составных числительных, в отличие от других диалектов: *урецIалийал* «60», *гъану ца-ра-л* «21», *xIябцIалину kIви-ра-л* «32» [7, с. 59] (ср. акуш.: *урецIали* «60», *гъану цара* «21»,

xIябцIанну kIира «32»). Из примеров видно, что при образовании составных числительных в десятках представлен суффикс *-ли*, отсутствующий в других диалектах.

Слова *дарш* «сто» и *азар* «тысяча» в составных числительных мегебского языка имеют в конце согласный *-б*, который считается окаменелым классным показателем: *азалиб урчIебдаршилиб аңцIанину урчIебрал* «1949» [7, с. 61]; в других диалектах в этой позиции функционирует сонорный *-м*, ср. акуш.: *азирлим урчIемдаршилим авцIанну урчIемра*. Другая особенность мегебских числительных заключается в том, что вне зависимости от числа, указанного перед определяемым именем, классный показатель в глаголе всегда стоит в единственном числе: *ца адами в-акIиб* «один человек пришёл» — *xIябал адами в-акIиб* «три человека пришло»; ср. кадар.: *ца адам в-акIиб* — *xIябал адам б-акIиб*.

В мегебском языке представлена пятичленная система указательных местоимений, аналогичная другим даргинским диалектам: *иш* «это, у говорящего», *ил* «это, у слушателя», *им* «то, в стороне», *их* «то, внизу», *ичI* «то, наверху». В кадарском же, в отличие от других диалектов, функционируют только три указательных местоимения: *иш* «это, у говорящего», *ил* «это, у слушателя», *имI* «то, в стороне».

Кадарскому, как и другим даргинским языкам в целом, присуще личное спряжение глагола; при этом личными показателями оформлены 1-е и 2-е лица: 1 л. *нуни багь-ун-ра* «я узнал», 2 л. *xIуни багь-ун-ри*, 3 л. *итини багь-ун*. Особенностью мегебского языка является то, что личные показатели имеются лишь в 1-м лице; 2-е лицо грамматически не маркируется: 1 л. *нуни кунг белчIун-на* «я прочитал книгу», 2 л. *xIуни кунг белчIун*, 3 л. *итиџини кунг белчIун*.

Формы 3-го лица прошедшего совершенного времени (аориста) в даргинских диалектах образуются присоединением к совершенной основе глагола показателей *-иб*, *-уб*, *-ур*, *-ун* [14]; акуш.: *вакI-иб* «пришёл», *игь-уб* «бросил», *бат-ур* «оставил», *белкI-ун* «написал». В сравниваемых

идиомах функционируют по три аффикса данной формы времени. В кадарском показателями аориста являются маркеры *-иб*, *-уб*, *-ун*; вместо морфемы *-ур* других диалектов функционирует показатель *-ун*: *багь-ур* «узнал» (акуш.) — *багь-ун* (кадар.). В мегебском отсутствует формант *-уб*; показателями аориста выступают аффиксы *-иб*, *-ур*, *-ун*.

В кадарском идиоме функционирует форма оптатива, которую можно назвать «оптативом ирреальным». Значение данной глагольной формы близко к значению оптатива — обозначает желание говорящим совершения действия, которое потенциально может произойти. Образуется данная форма посредством показателя *-кIа*: *вакIари-кIа* «хоть бы пришел»: *Буцари-кIа нуни мургьела балихъ!* «Хоть бы поймал я золотую рыбку!» [19, с. 177]. В литературном языке и в других даргинских диалектах значение ирреального оптатива передается посредством редупликации глагольной основы: *белчIалра белчIалри ГIяхIмадли ит жуз* «хоть бы прочитал Ахмед эту книгу».

Аффикс *-кIа* кадарского языка среди других даргинских идиомов находит аналог лишь в мегебском языке, где служит для образования формы «условного настоящего-будущего наклонения» [7, с. 106], которая по семантике близка к ирреальному оптативу. В мегебском данный аффикс присоединяется к простой основе глагола через посредство соединительного гласного *-(а)кIа*: *хIуни тIултI беркв-а-кIа* «если ты поешь хлеб».

Наблюдаются в сравниваемых идиомах отличия и в образовании масдарных форм глагола. В кадарском данная форма маркируется общедаргинским показателем *-ни*: *анайукI-ни* «пение». В мегебском же функционирует масдарная морфема *-ри*: *лучI-ри* «чтение», *ваш-ри* «хождение». По всей видимости, более древней является морфема *-ри*, поскольку функционирует и в других архаичных даргинских диалектах.

Как видно из приведённых примеров, кадарский и мегебский идиомы, хотя и распространены на значительном удалении друг от друга и не имеют языковых контак-

тов, обнаруживают много общего как в фонетической системе, так и в морфологии. На наш взгляд, причина этого заключается в том, что ранее предки кадарцев и мегебцев жили по соседству, предположительно в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте. В поисках спасения от многочисленных иноземных нашествий им приходилось мигрировать: мегебцы переселились в западную сторону и обосновались по соседству с аварцами и лакцами, вдали от других даргинцев, кадарцы — в северную [11, с. 343]. Кадарский диалект остаётся более или менее понятным для других даргинцев. Мегебский идиом, который довольно долго развивается в иноязычном окружении, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, что позволяет выделить его в качестве самостоятельного языка.

Заключение и выводы

В статье приведены наиболее заметные общности и различия, наблюдаемые при сопоставлении двух даргинских идиомов — кадарского и мегебского. Сравнительное исследование различных языковых аспектов дало возможность выявить множество общих явлений в звуковой системе и морфемном инвентаре, которые встречаются лишь в сравниваемых идиомах. В частности, это наличие назализации в числительном «четыре», отсутствие звонких аффрикат *дж*, *дз*, дистанционная прогрессивная ассимиляция губных звуков и регрессивная ассимиляция гласных, звуковое соответствие *л — р*, наличие показателя плюралиса существительных *-т*, процессы окаменения классных показателей, образование генитивных форм, функционирование морфемы *-кIа* с модальным значением и т.д. Между сравниваемыми идиомами имеется также немало существенных различий. Мегебский идиом в течение довольно долгого времени развивается вдали от других даргинцев, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, и вполне обоснованно его

выделение в качестве отдельного языка. Кадарский же диалект имеет ряд общих черт с мекегинским и губденским диалектами и остаётся более или менее понятным для других даргинцев.

Результаты исследования способствуют решению проблемы родства мегебского языка с другими диалектами — в даргиноведении по этому вопросу единого мнения не было. Так, предполагалось его родство с мугинским, урахинским, дибгашинским или мюрого-губденским диалектами. Ранее нами была высказана идея о том, что наиболее близким мегебскому является кадарский диалект, однако исследований, подтверждающих эту гипотезу, до сих пор не было. Анализ материала, проведённый в данной статье, подтверждает это предположение.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют также проследить

пути миграций различных групп древних даргинцев. Предположительно, предки кадарцев и мегебцев ранее жили по соседству, в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте. Из-за нападений иноземных захватчиков они были вынуждены мигрировать: мегебцы переселились в западную сторону и обосновались по соседству с аварцами и лакцами, кадарцы — в северную.

Перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой темы видятся в том, что результаты работы будут способствовать сравнительному исследованию других даргинских языков и диалектов и уточнению их классификации, а также сохранению рассматриваемых языков. Они будут использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения. М.: Наука, 1985.
2. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
3. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
4. Муталов Р.О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 8–25.
5. Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1971.
6. Вагизиева Н.А. Лексико-фразеологические особенности кадарского диалекта даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ, 2021.
7. Магомедов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
8. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019.
9. Темирбулатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ, 2022.
10. Услар П.К. Хюркилинский язык. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1892.
11. Муталов Р.О. Мекегинский диалект — основа севернодаргинского языка? // «Язык как он есть» к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: Буки-Веди, 2023. С. 339–344.
12. Nikolayev S., Starostin S.A. North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk publishers, 1994.
13. Вагизиева Н.А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 7–2 (61). С. 65–69.
14. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954.
15. Муталов Р.О., Вагизиева Н.А. Звуковые соответствия между даргинским литературным языком и кадарским идиомом // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12, № 3. Махачкала, 2018. С. 60–66.

16. Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка. Категория числа. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.
17. Ахмедова З.Г. Губденский говор даргинского языка: Дисс. ... канд. филол. н. Махачкала, 2007.
18. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004.
19. Муталов Р.О., Вагизиева Н.А. Категория наклонения в кадарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12, № 10. С. 175–179.

Comparative Analysis of Kadar and Mehweb: Similarities and Differences in Dargin Branch of Nakh-Dagestani Languages

Rasul Osmanovich Mutalov — Doctor of Philology, chief researcher of the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics of RAS, head of the project “Documentation of the Kadar Language: Grammatical Essay, Texts, Dictionaries” (18-012-00718).

E-mail: mutalovr@mail.ru

The article is devoted to the identification of common linguistic features and differences that exist between the Kadar dialect of the Northern Dargin language and the Mehweb language. The article studies various aspects of the sound system and the morphological structure of the compared idioms. Despite their considerably distant distribution and the lack of direct contacts, there are many common phenomena. Often, such phenomena are not found in other Dargin languages and dialects, including those close to Kadarian — Mekegi and Gubden. The study revealed that the Kadar idiom is the most related to the Mehweb language. Earlier, the works of Dargin language researchers suggested its relation to the Mugi, Urakhi, Dibgashi or Murego-Gubden dialects. The analysis of materials makes it possible to reveal the reasons behind linguistic similarities of the compared idioms. It is assumed that centuries ago, the ancestors of the Kadars and Mehwebs lived compactly, near the Dargin-speaking center, and spoke the same dialect close to Mekegi. As a result of numerous foreign invasions, they had to migrate: the Mehwebs moved westward, the Kadars moved northward. The Kadar dialect has many unique features, nevertheless, it remains more or less understandable to other Dargins. The Mehweb idiom, which has been evolving in a non-Dargin linguistic environment for an extended period of time, possesses a significant number of specific features inherent only in this speech, therefore it can be distinguished as an independent language.

Keywords: Nakh-Dagestani languages, Dargin languages, linguistic classification, Mehweb language, Kadar dialect, phonological processes, nominal parts of speech, number category, declension, verb

REFERENCES

1. Khaidakov S.M. Darginskii i megebskii yazyki: printsipy slovoizmeneniya. M.: Nauka, 1985 (in Russian).
2. Koryakov Yu.B. Atlas kavkazskikh yazykov. M.: Pilgrim, 2006 (in Russian).
3. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
4. Mutalov R.O. Klassifikatsiya darginskikh yazykov i dialektov // Sotsiolingvistika. 2021. № 3 (7). S. 8–25 (in Russian).
5. Gasanova S.M. Ocherki darginskoi dialektologii. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, Institut istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy, 1971 (in Russian).

6. Vagizieva N.A. Leksiko-frazeologicheskie osobennosti kadarskogo dialekta darginskogo yazyka. Makhachkala: ALEF, 2021 (in Russian).
7. Magometov A.A. Megebskii dialekt darginskogo yazyka. Tbilisi: Metsniereba, 1982 (in Russian).
8. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019.
9. Temirbulatova S.M. Dialektologicheskii slovar' darginskogo yazyka. Makhachkala: ALEF, 2022 (in Russian).
10. Uslar P.K. Khyurkilinskii yazyk. (Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. V). Tiflis: Izdanie Upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1892 (in Russian).
11. Mutalov R.O. Mekeginskii dialekt – osnova severnodarginskogo yazyka? // «Yazyk kak on est'» k 60-letiyu Andreyu Aleksandrovicha Kibrika. M.: Buki-Vedi, 2023. S. 339–344 (in Russian).
12. Nikolayev S., Starostin S.A. North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk publishers, 1994.
13. Vagizieva N.A. O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh kadarskogo dialekta darginskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. № 7–2 (61). S. 65–69 (in Russian).
14. Abdullaev S.N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1954 (in Russian).
15. Mutalov R.O., Vagizieva N.A. Zvukovye sootvetstviya mezhdu darginskim literaturnym yazykom i kadarskim idiomom // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki». T. 12, № 3. Makhachkala, 2018. S. 60–66 (in Russian).
16. Musaev M.-S.M. Imennoe slovoizmenenie darginskogo yazyka. Kategoriya chisla. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1982 (in Russian).
17. Akhmedova Z.G. Gubdenskii govor darginskogo yazyka: Diss. ... kand. filol. n. Makhachkala, 2007 (in Russian).
18. Temirbulatova S.M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNTS RAN, 2004 (in Russian).
19. Mutalov R.O., Vagizieva N.A. Kategoriya nakloneniya v kadarskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2019. T. 12, № 10. S. 175–179 (in Russian).